

КАТЕГОРИЯ ДИРЕКТИВНОСТИ В ДЕКЛАРАТИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ**Дзюба Е. В.**

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

(Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

SPIN-код: 6106-5500

А н н о т а ц и я . Исследование нацелено на выявление языковых средств репрезентации категории директивности и степени ее реализации в декларативных документах. Отмечается, что основными средствами выражения данной категории являются модальные слова (маркеры онтологической, деонтической и эпистемической модальности), лексические и грамматические единицы со значением категоричности, ограничительности, коллективной субъектности, перформативности, темпоральности. Материалом исследования являются тексты Деклараций БРИКС (17) и ШОС (25). Посредством корпусного анализа, осуществляемого с помощью программы автоматизированной обработки данных *Voyant tools*, выявляются количественные данные о языковых маркерах, которые выражают разные степени директивности: категоричную (жестко-формализованную), консультативно-рекомендательную, гипотетическую (предостерегающую или прогнозирующую). Методом контекстуального и когнитивно-дискурсивного анализа определены содержательные сходства и различия в реализации категории директивности в декларациях двух институтов многосторонней дипломатии – ШОС и БРИКС. Результаты исследования опровергают изначально выдвинутую гипотезу о том, что декларации ШОС, организации с жесткой структурой, должны отражать более высокую степень директивности, чем БРИКС, где преобладают координация и партнерство без жестких директивных механизмов. Гипотеза была сформулирована на основе институциональных различий ШОС и БРИКС. Анализ лингвистических данных показал обратное: степень директивности выше в декларациях БРИКС, ниже – в документах ШОС, что может быть обусловлено разными факторами: во-первых, различием стратегических задач организации и объединения, во-вторых, спецификой когнитивно-коммуникативных моделей стран-инициаторов изучаемых институтов – Китая и России (конфуцианская модель – культура плавного, морально выверенного действия; русская – культура прорывного, эмоционально мотивированного действия; это проявляется в разных сферах коммуникации, включая дипломатию). Указанные факторы объясняют более высокую степень директивности, имплицитно заложенную в документах БРИКС, в сравнении с декларативными документами ШОС.

К л ю ч е в ы е   с л о в а : политический дискурс; политические тексты; институциональный дискурс; дипломатический дискурс; декларация; международные организации; директивность; декларативные документы; модальность; языковые средства; контекстуальный анализ; когнитивно-дискурсивный анализ

Б л а г о д а р н о с т и : исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект «Стратегии продвижения национальных интересов России через трансформирующиеся институты многосторонней дипломатии: лингвополитологический аспект» № 25-28-01062, <https://rscf.ru/project/25-28-01062/>

Д л я   ц и т и р о в а н и я : Дзюба, Е. В. Категория директивности в декларативных документах / Е. В. Дзюба. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 4. – С. 130–140. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-4-130-140.

THE CATEGORY OF DIRECTIVENESS IN DECLARATIVE DOCUMENTS**Elena V. Dziuba**

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

Abstract. The study aims to identify the linguistic means of representing the category of directiveness and to determine the degree of its manifestation in declarative documents. It is noted that the main means of expression of this category include modal words (markers of ontological, deontic, and epistemic modality), and lexical and grammatical units with a categorical meaning, restrictiveness, collective subjectness, performativity, and temporality. The practical research material comprises texts of the BRICS (17) and SCO (25) Declarations. Using corpus analysis conducted with the Voyant Tools automated data-processing program, the study provides quantitative data on linguistic markers that express different degrees of directiveness: categorical (strictly formalized), consultative-recommendatory, and hypothetical (warning or predictive). The study uses the method of contextual and cognitive-discursive analysis to discover the semantic similarities and differences in the realization of the category of directiveness in the declarations of two institutions of multilateral diplomacy – the SCO and BRICS. The research findings contradict the initial hypothesis that the SCO declarations, produced by an organization with a rigid structure, should demonstrate a higher degree of directiveness than those of the BRICS, where coordination and partnership prevail without strict directive mechanisms. This hypothesis was based on the institutional differences between the SCO and BRICS. A linguistic analysis has revealed the opposite: the degree of directiveness is higher in the BRICS declarations and lower in the SCO declarative documents. This result may be explained by several factors: first, differences in the strategic objectives of the organization and the intergovernmental grouping, and second, the specific nature of the cognitive-communicative models of the founding states of the institutions under study – China and Russia (the Confucian model is characterized by gradual, morally thought-out action, while the Russian model is associated with a breakthrough, emotionally motivated action; these tendencies manifest themselves in various spheres of communication, including diplomacy). These factors account for the higher degree of implicit directiveness embedded in the BRICS documents compared to the declarative documents of the SCO.

Key words: political discourse; political texts; institutional discourse; diplomatic discourse; declaration; international organizations; directiveness; declarative documents; modality; linguistic means; contextual analysis; cognitive-discursive analysis

Acknowledgements: The study was carried out with financial support of the Russian Science Foundation, project "Strategies for Promoting National Interests of Russia through Transforming Institutions of Multilateral Diplomacy: A Linguopolitical Aspect" No. 25-28-01062, <https://rscf.ru/project/25-28-01062/>

For citation: Dziuba, E. V. (2025). The Category of Directiveness in Declarative Documents. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 4, pp. 130–140. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-4-130-140.

Введение

Институциональный дискурс в настоящее время изучается в разных аспектах: историческом (И. С. Герасимова, Л. М. Голиков, О. В. Нешкес), этноспецифическом (И. В. Селиванова, И. Г. Темникова, В. С. Диброва, О. Г. Чупрына), жанрово-стилистическом (А. В. Колмогорова, А. В. Козачина, Е. А. Пономаренко, М. А. Ширинкина), коммуникативном (Т. В. Дубровская, Е. А. Кожемякин, Т. Г. Скребцова), лингвостилевом (С. В. Быкова, С. П. Кушнерук, Н. В. Муравьева и др.). Немало исследований посвящено изучению текстов отдельных дискурсов: медийного, политического, рекламного, педагогического и иных. Дипломатический дискурс приобретает сегодня особую актуальность¹, что обусловлено нарастающей геополитической турбулентностью, актуализацией противостояния *своих* и *чужих* / *других* [Ахметгареева, Кобякова, Потапенко 2025], ростом числа многосторонних форматов международного взаимодействия [Семенов, Цвык 2019], усложнением интернациональных коммуникативных практик [Беляков, Максименко 2020; Викулова, Макарова, Новиков 2016; Викулова, Булитко 2025; Матакова 2020; Рябова, Каруковец 2025 и др.].

Современная дипломатия традиционно сочетает закрытые переговорные процессы и публичные заявления, тиражируемые цифровыми каналами, что формирует особое пространство институционально-публичного общения, в котором каждое высказывание становится элементом политического позиционирования и когнитивного воздействия. При этом дипломатические тексты, как правило, демонстрируют высокую степень языковой стандартизации, тяготение к речевой конвенциональности, что должно способствовать сглаживанию противостояния и минимизации конфликтности [Павлова, Голощапова 2025]. Это требует детального лингвистического анализа, направленного на выявление специфических речевых стратегий и тактик дипломатического дискурса [Рябова, Крауковец 2025; Чжан 2025] и имплицитных смыслов высказываний [Нешкес 2025; Ткачева 2025].

Эффективности изучения языковых и коммуникативных особенностей дипломатического дискурса способствует имеющее место сегодня расширение корпусных методов исследования и технологий автоматизированной обработки естественного языка. Новые методы и технологии поз-

воляют рассмотреть не только специфику языка дипломатических текстов в синхронии и диахронии, но также содержание и эволюцию ключевых концептов и категорий дипломатического дискурса в соотношении с хронологией развития конкретных политических ситуаций, что делает дискурсивный подход одним из наиболее перспективных направлений исследования современной дипломатической коммуникации.

Важным аспектом изучения речевых произведений является рассмотрение основных текстовых категорий – как универсальных: информативность, когезия и когерентность, целеполагание, адресность, интертекстуальность и т. д., так и специфичных для того или иного жанра или дискурса (И. Р. Гальперин, О. И. Москальская, Т. В. Матвеева, В. И. Бортников, Т. В. Ицкович и др.). В фокусе внимания исследователей оказываются категории диалогичности (Я. А. Блохина, Т. В. Дубровская, Н. С. Болотнова, Е. В. Дзюба, И. Ю. Рябова, Л. Р. Дускаева, О. С. Иссерс, А. С. Герасимова, Т. Н. Колокольцева и др.), модальности (З. Р. Ахметзадина, Г. С. Исакова, С. С. Ваулина, И. Ю. Кукса, О. И. Денисова, Н. С. Нуриева, Е. С. Ражева), интертекстуальности (С. А. Кошарная, Т. Григорьянова, Т. А. Кузьмина, А. Л. Сопина, И. Ю. Рябова, М. В. Терских и др.), эвиденциональности (Е. А. Никонова, У. Н. Решетнева и др.), эвокативности (Е. В. Дзюба, И. Ю. Рябова) и т. д.

К специфичным текстовым категориям относятся и директивность. Воздействующий и регулятивный потенциал данной категории рассматривается в работах целого ряда ученых [Воронцова 2023; Бен Шушан 2022; Никодимова 2020; Шелехова, Принципалова, Ларина 2024; Шовгенина 2011 и др.].

Категория директивности, содержательно и функционально связанная с интенцией к волеизъявлению говорящего, каузатора деятельности адресата, актуальна в таких сферах коммуникации, в которых максимально реализуются воздействующая и регламентирующая функции языка: политика, законодательство, юриспруденция, военное дело, корпоративные отношения, воспитание, образование и др. Эти функции доминируют в следующих речевых жанрах: приказ, постановление, указ, распоряжение, наставление, разрешение или запрет, правила, требование, команда, рекомендация, предложение, предостережение, просьба (настоятельная просьба, просьба-совет, просьба-мольба), пожелание и даже успокоение и утешение.

Дж. Р. Серль выделил пять базовых иллокутивных актов, среди которых отметил в том числе директивы. Классификация Дж. Р. Серля разграничивает *репрезентативы* (утверждения, отражающие убеждения и налагающие ответственность на говорящего за истинность высказывания); *ди-*

¹ В период с 2020 по 2025 гг. в РИНЦ проиндексировано около 200 статей с ключевым словом *дипломатический дискурс*, что свидетельствует об актуализации внимания лингвистов к данному языковому и коммуникативно-когнитивному феномену.

рективы (высказывания говорящего, желающего, чтобы слушающий совершил некое действие); *комисивы* (иллокутивные акты, цель которых – «возложить на говорящего обязательство совершить некоторое будущее действие или следовать определенной линии поведения»); *экспрессивы* (речевые акты, позволяющие выразить «психологическое состояние, задаваемое условием искренности относительно положения вещей»); *декларативы* (высказывания, тождественные действию, устанавливающие соответствие между пропозициональным содержанием и реальностью) [Серль 1986: 180–188]. Каждому классу, по мнению исследователя, соответствует определенный набор лексических средств. Так, к директивам относятся глаголы *спрашивать, приказывать, командовать, запрашивать, просить, молить, умолять, заклинять, приглашать, позволять, советовать, вызывать* (на бой, на спор, на дуэль) [Там же: 182].

Е. И. Беляева в основу классификации директивных речевых актов кладет сочетание признаков облигаторности действия, приоритетности положения говорящего или адресанта и бенефактивности действия для одного из коммуникантов. Так, по мнению исследователя, выделяются три основных типа директив: 1) *прескриптивы* (предписания); 2) *реквестивы* (побуждение к действию, совершаемому в интересах говорящего); 3) *суггестивы* (совет) [Беляева 1992: 14–15].

Некоторые исследователи подчеркивают, что директивность не всегда выражается в текстах явно, например, в виде глагольной лексики в повелительном наклонении. Директивность может косвенно, имплицитно, присутствовать в высказывании и способствовать демонстрации категоричного мнения субъекта коммуникации, выражения и утверждения твердой позиции коммуниканта [Бен Шушан 2022].

В данном исследовании рассматриваются языковые средства выражения категории директивности в текстах деклараций двух значимых в настоящее время международных институций. Декларации как итоговые документы, которые подписываются странами-участницами по итогам регулярных саммитов международных организаций, фиксируют консенсусные решения по ключевым вопросам внешней политики, устанавливают принципы сотрудничества государств, выражают политическую волю и создают морально-правовую основу для координации действий и дальнейшего развития международного права и норм взаимодействия стран-участниц.

При этом важнейшими особенностями деклараций являются следующие: коллективное авторство как свидетельство солидарности (ср.: *мы выступаем, мы придерживаемся принципов, мы утверждаем и под.; главы государств отметили, Руководители государств-членов ШОС заявляют; государства-члены подтвердили* и т. д.); ритуально-символический характер, предполагающий превалирование значения факта высказываний над его содержанием; многоадресность; стандартизованный характер изложения и наличие клишированных выражений; специфический стиль и язык (эвфемизация, «обтекае-

мость» формулировок, наличие терминологии, отсутствие эмоционально-оценочной лексики); гибридный статус (декларации не являются юридически обязывающими документами, но обладают значительным морально-политическим весом в международных отношениях). В декларациях, таким образом, отражается отчетливая и нередко жесткая политическая позиция акторов коммуникации, но выражается она не категорично: директивность в таких текстах содержится имплицитно.

Цель данной работы – выявить средства презентации категории директивности в текстах институционального дискурса, в частности – в жанре деклараций международных организаций и межгосударственных объединений.

Материалом исследования являются основополагающие документы межправительственной Шанхайской организации сотрудничества с момента ее основания (Декларации ШОС; 25 текстов с 2001 по 2025 гг.) и важнейшие документы межгосударственного объединения БРИКС с момента его создания (Декларации БРИКС; 17 текстов с 2009 по 2025 гг.).

Методы исследования. Посредством корпусного анализа, осуществляемого с помощью программы автоматизированной обработки текстов *Voyant tools*¹ (в частности инструментов: *Terms*, указывающего на частотность слов в текстах; *Trends*, представляющего употребление слов в виде графика; *Contexts*, представляющего слово в текстовом окружении, т. е. коллокации), выявляются количественные данные о языковых маркерах директивности, к которым относятся модальные слова (маркеры онтологической, деонтической и эпистемической модальности), лексические и грамматические единицы со значением категоричности, ограниченности, коллективной субъектности и/или объектности, перформативности, а также лексические единицы с темпоральной семантикой. Искомые в текстах деклараций лексемы, выражающие категорию директивности, выявляются из грамматик русского языка², а также из словаря синонимов³ (лексикографический метод).

Общенаучными методами сопоставления, анализа и генерализации фактов, полученных в ходе автоматизированной обработки текстов и их интерпретации, определяется степень директивности, реализованная в декларациях ШОС и БРИКС: категоричная (жестко-формализованная), консультативно-рекомендательная, гипотетическая (предостерегающая или прогнозирующая). Методы контекстуального, когнитивно-пропозиционального и дискурсивного анализа языковых маркеров директивности в текстах институционального дискурса с привлечением методов корпусной лингвистики и технологий автоматизированной обработки текстов позволяют выявить общее и различное в реа-

¹ Программа автоматизированной обработки текстов «Voyant tools». URL: <https://voyant-tools.org/>.

² Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.ru/>; Русская грамматика АН СССР. URL: <https://rusgram.narod.ru/>.

³ Словарь синонимов русского языка. URL: <https://sinonim.org/>.

лизации категоричной, консультативно-рекомендательной и гипотетической директивности, отраженной в русскоязычных текстах деклараций двух институтов многосторонней дипломатии – ШОС и БРИКС.

Обсуждение и результаты. Отметим, что оба обозначенных института многосторонней дипломатии являются весьма авторитетными в мировом сообществе.

С. Г. Лузянин отмечает: «В последние годы наблюдается значительный рост роли и влияния Шанхайской организации сотрудничества как на региональном, так и на глобальном уровнях... Это стало возможным благодаря дипломатическим достижениям стран ШОС, экономическому прогрессу ее ключевых участников и институциональному упорядочению структур внутри организации» [Лузянин 2016: 7]. Как видно из данного высказывания, залогом эффективности деятельности ШОС является, среди прочих факторов, наличие жесткой структуры организации. Очевидно, что организация со строго упорядоченной институциональной иерархией должна обладать значительным арсеналом механизмов директивного воздействия на участников, реализуемым через специализированные совещания, рабочие группы и конвенции, через имплементацию принятых в ходе обсуждения решений, рекомендаций и плана совместных мероприятий по разным направлениям деятельности.

Л. Л. Фитуни подчеркивает, что «в ходе происходящих глобальных трансформаций “обесценившиеся” или неспособные выполнять приданные им функции институты глобального управления и поддержания мирового порядка все более отесняются новыми лидерами, мировыми центрами, союзами, блоками и объединениями с авансцены мировой политики или отодвигаются от реального управления мировой экономикой» [Фитуни 2022: 17]. Одним из таких сравнительно новых коллективных акторов международных отношений исследователь считает объединение БРИКС, которое «за немногим менее двух десятилетий своего существования превратилось из произвольно объединенной глобальными инвесторами виртуальной группы крупных быстро развивающихся восходящих экономик в самодостаточного, весомого и динамичного актора на мировой арене, сравнимого, а нередко превосходящего по влиянию и глобальной значимости объединения “старых” глобальных игроков, таких, например, как G-7, ОЭСР и т. п.» [Там же: 18].

Межгосударственное объединение БРИКС, в отличие от ШОС, не является международной организацией, но представляет собой неформальное объединение (клуб) стран с развивающейся экономикой. У БРИКС нет устава, генерального секретаря, постоянной штаб-квартиры и жесткой институциональной структуры, а управление осуществляется на ротационной основе страной-председателем, которая организует саммиты и определяет направления работы на год. Вероятно, у такой институции механизмы воздействия должны быть более

слабыми, а в документах менее заметны директивность и категоричность высказываний.

Можно, таким образом, сформулировать **гипотезу** исследования: декларации ШОС должны отражать более сильную директивную направленность и высокую степень категоричности и обязательности исполнения поставленных задач, чем у БРИКС, где преобладают координация и партнерство без жестких директивных механизмов.

Критерии оценки степени директивности в декларативных документах. В данном исследовании для выявления средств выражения категории директивности и оценки степени категоричности высказывания учитываются следующие параметры: 1) выражение воздействующей и регламентирующей функций языка; 2) наличие субъекта волеизъявления и объекта воздействия; 3) наличие полномочий или власти у субъекта воздействия (в зависимости от сферы коммуникации); 4) обязательность / необязательность исполнения действия; 5) степень категоричности волеизъявления; 6) бенефициарность результатов действия (субъект волеизъявления, объект воздействия или какая-либо организация, сфера деятельности или под.); 7) срочность исполнения действия (темпоральные характеристики).

Языковые средства выражения директивности в декларативных документах. Средствами выражения директивности как категории, способствующей волеизъявлению и презентации мировоззренческой позиции, являются, во-первых, модальные слова. Е. В. Падучева, описывая категорию модальности, указывает на наличие трех ее видов [Падучева 2016]. Первый противопоставляет действия по признаку реальности – ирреальности, что выражается глагольным наклонением (объективная модальность).

В директивных документах глагольная лексика представлена большей частью в изъявительном наклонении, глагольные конструкции с частицей *бы*, выражающие сослагательное (условное) наклонение, используются не в значительном количестве: во всех Декларациях БРИКС – 31 контекст (ср.: *Мы благодарим ... за индийское предложение о создании Платформы БРИКС по цифровым общественным благам, которая могла бы выступать в качестве хранилища всех приложений с открытым доступом, созданных участниками БРИКС для достижения ЦУР на благо государств объединения и других развивающихся стран*), в Декларациях ШОС – 30 употреблений (ср.: *Государства-члены подчеркивают, что всем заинтересованным сторонам необходимо продолжать многосторонние консультации в целях выработки комплексного подхода к вопросу о реформировании ООН и ее Совета Безопасности, который пользовался бы максимальной поддержкой*). Данные единицы способствуют выражению консультативно-рекомендательной и/или гипотетической (предостерегающей или прогнозирующей) директивности, что связано с построением моделей будущего развития международных организаций и объединений (ООН, ВТО, ШОС, БРИКС и др.), а также будущего многополярного мира.

Второй вид противопоставляет высказывания по иллокутивной силе, или цели высказывания, что репрезентируется предложениями повествовательными, побудительными, вопросительными (субъективная модальность). Заметим также, что все предложения в декларативных документах повествовательные. Как подчеркивает Е. В. Падучева, начиная с Аристотеля, модальными принято называть значения возможности и необходимости, при этом выделяется возможность эпистемическая, связанная со знанием, и деонтическая, связанная с долгом (иллокутивная, интерсубъектная модальность). Исследователи выделяют также онтологическую модальность [Падучева 2016; Человеческий фактор... 1992]. Таким образом, значение возможности может быть онтологическим, деонтическим, эпистемическим [см. также: Воронина 2023].

Онтологическая модальность предполагает наличие внутренней способности к осуществлению чего-либо при успешно сложившихся внешних обстоятельствах и подразделяется, таким образом, на внешнюю и внутреннюю. Средствами ее выражения являются такие единицы: для выражения внешней возможности – глаголы в изъявительном наклонении (*мочь, быть в состоянии, быть способным, иметь способность*); наречия (*можно, возможно; ср.: можно утверждать, заключение договора теоретически возможно и др.*); для выражения внут-

ренней возможности – глагольно-именные сочетания с указанием на условие реализации действия (*иметь возможность / быть способным при каком-либо условии*).

Деонтическая возможность предполагает возможность действий, утверждаемую морально или социально ответственным субъектом или институцией; она связана с долгом, требованиями к поведению, системой норм и правил. Деонтическая возможность выражается такими единицами: *долг / быть должным, требовать(ся), быть обязанным, (не)рекомендуется, (не)разрешается, (не)запрещается, (не)запрещено*, а также предикативными наречиями: *нужно, необходимо*, включая глагольную форму *следует* в адвербиальном значении.

Эпистемическая возможность представляет собой какое-либо допущение при неполноте знаний говорящего; она связана с вероятностными суждениями и предположениями, прогностическими высказываниями. Средствами выражения эпистемической возможности являются вводные слова: *возможно, может быть, должно быть, быть может, вероятно, по-нашему мнению, на наш взгляд, по-моему и под*.

Отметим средства выражения значения возможности и необходимости в декларативных документах и представим количественные данные в таблице 1.

Таблица 1

Средства выражения модальности в декларативных документах

Вид субъективной модальности	Средства выражения в Декларациях БРИКС 17 текстов, 11,640 уникальных словоформ	Средства выражения в Декларациях ШОС 25 текстов, 7,601 уникальных словоформ
Онтологическая возможность (внутренняя и внешняя)	123 – мочь (мож* / мог*) 229 – возможный, быть возможным (возможен*) 21 – способность, способный, быть способным (способн*)	26 – мочь (мож* / мог*) 55 – возможный, быть возможным (возможен*) 12 – способность, способный, быть способным (способн*)
Деонтическая возможность	269 – должный, быть должным 71 – обязан, обязанный, быть обязанным 31 – требовать 1 – (не)разрешить / разрешать, разрешено 19 – (не)запрещать, запрещение, запрещено, запрещается 12 – (не)следует 14 – нужно, нужный, нуждаться 380 – необходимо, необходимый, необходимость 1 – нельзя	83 – должный, быть должным 42 – обязан, обязанный, быть обязанным 15 – требовать 12 – (не)разрешить / разрешать, разрешено 33 – (не)запрещать, запрещение, запрещено, запрещается 7 – (не)следует 3 – нужно, нужный, нуждаться 179 – необходимо, необходимый, необходимость 2 – нельзя
Эпистемическая возможность	2 – возможно 0 – может быть 0 – должно быть 0 – быть может 1 – вероятно 3 – по нашему мнению	0 – возможно 0 – может быть 0 – должно быть 0 – быть может 1 – вероятно 0 – по нашему мнению

Примечания: 1) глагол *разрешить* используется однократно в сочетании *разрешить доступ* в Декларации БРИКС; в Декларациях ШОС имеется 12 словоупотреблений, но не в значении «позволить что-либо сделать», а в значении «решить проблему» (*разрешение споров, вопросов, конфликтов*).

Приведем некоторые примеры из текстов деклараций. Онтологическая возможность отражена в следующих контекстах: Многополярность **может** расширить **возможности** развивающихся стран ... для раскрытия их конструктивного потенциала; Терроризм **не может быть оправдан** никакими причинами (БРИКС); Государства-члены ШОС убеждены, что ор-

ганизация **может** и должна внести заметный вклад в безопасное и стабильное развитие не только на ее пространстве, но и в мире в целом (ШОС); Африканская континентальная зона свободной торговли **способна** создать предсказуемую среду для инвестиций (БРИКС); Государства-члены выступают за наращивание усилий в целях повышения эффективности Организации, в том

числе по обеспечению **способности** ВТО своевременно и действительно реагировать на современные вызовы глобальной торговли (ШОС).

Примеры выражения деонтической возможности: БРИКС нуждается в изменениях и **должно** идти в ногу со временем (БРИКС); ООН **должна** играть центральную координирующую роль в международном сотрудничестве по Афганистану (ШОС); Мы **обязуемся** способствовать уважению суверенитета и суверенного равенства государств в области ИКТ (БРИКС); Государства-члены ШОС, **обязуясь** действовать в соответствии с принципами Устава ООН, подтверждают универсальность, неделимость, взаимозависимость и взаимосвязанность всех прав человека, а также свои **обязательства** соблюдать права и основные свободы человека (ШОС); Расширение БРИКС и его повестки дня **требуют** корректировки методов работы объединения (БРИКС); Сегодня мир переживает беспрецедентные трансформационные перемены и вступает в новую эпоху стремительного технологического развития, что **требует** повышения эффективности глобальных институтов (ШОС); В качестве приоритета **следует** уделить внимание вопросам, касающимся безопасности космических операций (БРИКС); Подобные вопросы **следует** решать Совету министров иностранных дел (о международных контактах ШОС); Мы отвергаем односторонние, запретительные, дискриминационные, протекционистские меры, не соответствующие международному праву (БРИКС); Государства-члены подтверждают поддержку Организации по **запрещению** химического оружия (ОЗХО) и выступают за принятие согласованных решений (ШОС); Мы вновь заявляем о **необходимости** учитывать национальные особенности ... для достижения справедливого энергетического перехода (БРИКС); Государства-члены подчеркивают **необходимость** заключения международного юридически обязывающего документа, который обеспечивал бы укрепление транспарентности и предоставлял бы надежные гарантии предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве (ШОС); Афганистану **нужно** время, помощь развитию и сотрудничество... (БРИКС).

Следует подчеркнуть, что эпистемическая возможность, выражаемая вводными словами и конструкциями (может быть, должно быть, вероятно, возможно и под.), не характерна для текстов деклараций, свидетельствующих о принятых, взвешенных и отчетливо сформулированных стратегически значимых решениях, которые не подвергаются сомнению со стороны акторов коммуникации.

Важным параметром директивности является субъектно-объектная организация текста декларации. Для усиления субъектности волеизъявления в декларациях традиционно используются многократно повторяющиеся единицы-маркеры коллективности и консенсусного мнения или решения: в Декларациях ШОС используются сочетания государства-члены, государства-участники, страны-участницы, страны ШОС, страны-члены (2 339 употреблений); в Декларациях БРИКС – принятое со времен создания ООН личное местоимение множественного числа (мы употребляется в 3 451 контексте в Декларациях БРИКС, но только 16 в аналогичных документах ШОС).

Следует заметить, что местоимение мы в большей степени создает эффект единства целей, солидарности участников и равенства партнеров, подчеркивает идею коллективного подхода к решению вопросов глобального уровня. Это особенно важно для БРИКС, которое объединяет очень разные по культуре и политическим системам страны, но которое имеет цель подчеркнуть, что эти страны выступают единодушно, единым голосом. Очевидно и то, что местоимение мы звучит более «человечно», представляется воспринимающими речь морально более значимым, поскольку БРИКС делает ставку не только на политическую и экономическую трансформацию, но прежде всего на сохранение гуманитарных ценностей – мира, устойчивого развития, равноправия, прав человека и т. д. Объединение призывает к трансформации ключевых международных институтов и глобального управления в соответствии с принципами равенства и взаимоуважения, выступая против колониализма и неоколониализма, ратуя за верховенство закона, но не кем-то установленных «правил», т. е. придерживаясь концепции контргегемонии.

Мы, таким образом, вносит оценочную коннотацию, ср.: Мы обязуемся не оставлять никого позади, Мы будем стремиться к миру и безопасности. Это придает документу тон морального лидерства, а не просто формального соглашения. Мы, восходящее к традиции Деклараций ООН, снимает иерархию, уравнивает участников, ср.: Мы выступаем за справедливый мировой порядок.

Если обратить внимание на предикативные единицы с глаголами *требовать*, *обязывать(ся)* и под., то в текстах деклараций можно обнаружить так называемую «возвратную директивность». Специфика субъект-объектной организации рассматриваемых документов состоит в предъявлении требований к самим себе и себе подобным, т. е. к иным международным организациям (ООН, АТР, АСЕАН и др.), ко всему мировому сообществу. Обычно эти требования предъявляют политическая ситуация, возникающие кризисы, вызовы и угрозы; ср.: Мы признаем, что расширение БРИКС и его повестки дня **требуют** корректировки методов работы объединения; Мы согласны с тем, что возникающие вызовы глобальному миру и безопасности, а также устойчивому развитию **требуют** большей активизации наших коллективных усилий; Достижение ЦРТ является основополагающим условием обеспечения инклюзивного, справедливого и устойчивого глобального роста, и **будет требовать** нашего неослабного внимания и после 2015 года, что сопряжено с увеличением финансовой поддержки (БРИКС); Противодействие этим глобальным вызовам **требует** срочной выработки коллективных и эффективных подходов мирового сообщества; Борьба с ними (угрозами информационно-коммуникационных технологий в преступных целях) **требует** объединения усилий и широкого международного сотрудничества; Глобальные вызовы и угрозы ... приобрели трансграничный характер и **требуют** повышенного внимания со стороны мирового сообщества (ШОС).

Употребление перформативных глаголов в предикативах является весьма типичным свой-

ством текстов деклараций. Под перформативными глаголами традиционно понимаются такие единицы, которые не просто обозначают действие, но которые самим их произнесением совершают речевое действие (ср.: *обещать, приказывать, предупреждать* и под.). Типичной грамматической формой выражения перформативности является при этом первое лицо единственного или множественного числа настоящего времени; эта форма позволяет фиксировать момент совершения самого акта речи [Остин 1986].

В декларативных документах используются перформативы с семантикой:

- утверждения и/или подтверждения позиции, мнения или решения (*мы поддерживаем, утверждаем, подтверждаем, мы подчеркиваем нашу позицию, мы выражаем приверженность, мы выступаем за...*, государства-члены убеждены, государства-члены подтверждают приверженность и др.);
- выражения оценки (*мы решительно осуждаем, государства-члены выразили серьезную озабоченность, государства-члены приветствуют, государства-члены высоко оценивают*);
- выражения аналитического отношения к событиям (*мы разделяем понимание, мы считаем, мы признаем важную роль, мы принимаем к сведению, мы*

отмечаем, мы приветствуем инициативы, государства-члены считают, государства-члены подчеркнули важность);

- побуждения к действию (*мы призываем, государства-члены призывают мировое сообщество*);
- намерения (*государства-члены намерены развивать, мы намерены и дальше содействовать*);
- обещания (*мы обязуемся, мы будем стремиться, государства-члены будут наращивать, государства-члены продолжат взаимодействие, государства-члены будут расширять, государства-члены ускорят процесс, государства-члены будут поступательно углублять*);

– согласия или несогласия с чьей-либо позицией (*мы признаем, мы выражаем согласие*) и др.

Лексические маркеры категоричности (наращения абсолютно, исключительно, категорически, безусловно, решительно, совершенно, ультимативно) и жесткой ограничительности (только лишь, ничуть не) традиционно широко не применяются в дипломатических документах, однако в текстах деклараций встречаются для выражения отчетливости и определенности выражаемой позиции в отношении вопросов международной политики. Количественные данные представлены в таблице 2.

Таблица 2

Маркеры категоричности и ограничительности в итоговых декларациях саммитов

Языковые единицы	Декларации БРИКС, кол-во употреблений	Декларации ШОС, кол-во употреблений
исключительно	абсолютно – 0	абсолютно – 0
ничуть не	безусловно – 0	безусловно – 0
нельзя	исключительно – 8	исключительно – 26
лишь	категорически – 1	категорически – 4
только	несомненно – 0	несомненно – 1
категорически	решительно – 39	решительно – 19
безусловно	совершенно – 1	совершенно – 0
решительно	ультимативно – 0	ультимативно – 0
совершенно	ничуть не – 0	ничуть не – 0
абсолютно	лишь – 3	лишь – 1
в ультимативной форме	только – 15	только – 16
и под.	нельзя – 1	нельзя – 2

Приведем примеры частотных употреблений в контекстах: *Мы признаем исключительно важную роль интернета в мире; Мы решительно поддерживаем укрепление диалога в рамках БРИКС по вопросам политики и безопасности; Мы подчеркиваем, что только инклюзивный политический процесс ... приведет к установлению мира (БРИКС); Государства-члены выступают за ... исключительно мирное использование космоса; Государства-члены решительно выступают против любых террористических актов и агрессивных действий; Поддержание мира возможно только в условиях равной безопасности для всех без исключения государств (ШОС).* Удивительно, что при разном количественном соотношении единиц со значением категоричности и ограничительности в декларациях ШОС и БРИКС общее их число отличается незначительно: в декларациях БРИКС – 68 употреблений, в текстах ШОС – 69. Однако подчеркнем, что доля подобных единиц в текстах весьма незначительна, поскольку категоричность минимально свойственна дипломатическому дискурсу.

Особое значение в декларативных документах приобретает категория темпоральности, поскольку одним из важных критериев деловых взаимоотношений субъектов является срочность выполнения тех или иных функций, действий и т. п. В декларациях ШОС словосочетания, указывающие на временные параметры, употребляются умеренно. Для данных текстов не характерно указание на жесткие временные рамки. Формулировки, отражающие категорию времени, относительно нейтральны: они связаны, как правило, с дальновидными целями и приоритетами развития (ср.: *стратегия развития до 2035 года*). Лексемы *немедленно, в сжатые сроки* и под. не используются (показатели нулевые), что соответствует характеру долгосрочной, стратегической направленности организации, нацеленной на постепенное достижение результатов кооперационной деятельности. В декларациях ШОС чаще упоминаются лексемы *последовательно, последовательный, постепенный* и под., ср.: *Государства-члены ... будут последовательно*

развивать сотрудничество в сферах политики, безопасности, торговли и экономики; Государства-члены подчеркнули необходимость **последовательного** выполнения Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества; Государства-члены выступают за содействие созданию благоприятных условий для торговли и инвестиций в целях **постепенного** осуществления свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и технологий.

В декларациях БРИКС употребляются единицы со значением ограниченного времени: в кратчайшие сроки, незамедлительно, срочно, безотлагательно, немедленно, оперативно, своевременно. Эти языковые факты подчеркивают динамичность и

адаптивность данной группы государств к реалиям международной политики и экономики. Это отражает более прагматичную ориентацию БРИКС на результат и быструю реакцию на изменения. Таким образом, основное различие в использовании временных слов между Декларациями ШОС и БРИКС заключается в интенсивности и степени акцентирования оперативности: ШОС использует более мягкие формулировки, указывая на стратегически ориентированные временные рамки; БРИКС проявляет большую ориентацию на оперативность и сжатые сроки реализации заявленных инициатив. Количественные показатели маркеров темпоральности представлены в таблице 3.

Таблица 3

Маркеры темпоральности в декларациях ШОС и БРИКС

Маркеры темпоральности	Декларации БРИКС	Декларации ШОС
оперативно	18	12
немедленно	15	1
безотлагательно	12	0
незамедлительно	10	1
без промедления	2	0
в кратчайшие сроки / в сжатые сроки	1	0
в ближайшее время	0	0
своевременно	0	13

Приведем некоторые примеры из деклараций БРИКС: Кризис Апелляционного органа должен быть **незамедлительно** разрешен; Мы подчеркиваем важность взаимодействия между государствами, которое необходимо для **незамедлительного** восстановления международного доверия; Мы рассчитываем на принятие **оперативных** мер по завершению 16-го общего обзора квот МВФ в согласованные сроки и по осуществлению давно назревших реформ системы управления Фондом; Мы отмечаем **срочную** необходимость согласования юридически обязывающего многостороннего инструмента, который мог бы восполнить пробел в международно-правовом режиме применительно к космическому пространству.

Заключение

Директивность относится к коммуникативным категориям. Ее специфика заключается в реализации воздействующей и регламентирующей функций языка; наличии у говорящего как субъекта волеизъявления отчетливо (нередко жестко) сформулированной идеологической позиции и определенных полномочий или даже власти, ограниченной нормами и правилами дискурса; наличии субъекта-бенефициара, излагающего приказ / поручение / совет / пожелание с разной возможной степенью категоричности, и объекта воздействия, который с разной возможной степенью облигаторности исполняет порученные действия; наличии или отсутствии срочности исполнения действия (темпоральные характеристики).

Частотность средств выражения онтологической возможности отражает представления о широте потенциальных способностей, возможностей, преимуществ и перспектив международного института в решении поставленных задач. В декларациях БРИКС число таких языковых средств доминирует,

что, вероятно, обусловлено характером деятельности организации, нацеленной на незамедлительную трансформацию политических, экономических и социальных инфраструктур в мире. Эту идею подтверждает и лексика темпоральной семантики. Так, основное различие между Декларациями ШОС и БРИКС заключается в интенсивности и степени акцентирования оперативности: ШОС использует более мягкие формулировки, указывая на стратегически ориентированные временные рамки; БРИКС проявляет большую ориентацию на оперативность и сжатые сроки реализации заявленных инициатив.

В декларативных документах отсутствуют языковые маркеры эпистемической возможности (возможно, может быть, должно быть, быть может, вероятно, по нашему мнению), поскольку подобные единицы вносят неопределенность и «размывают» заявленную политическую позицию адресанта речи. Декларация – это документ, отражающий политическую волю и не допускающий рассуждений, он выражает согласованную и твердую позицию объединенных государств, а не мнение или предположение. Формулировки в таких документах являются если не юридически обязывающими, то, по крайней мере, обязывающими политически, поэтому они должны звучать утвердительно, официально и категорично.

Следует, однако, отметить, что дипломатический стиль деклараций строится на формуле не подчеркнутой, но сдержанной категоричности, поэтому в текстах деклараций не используются единицы с высокой степенью категоричности: глаголы повелительного наклонения, слова с семантикой облигаторности, направленной на адресата речи, и под.

Языковые маркеры, выявленные в деклараци-

ях, выражают разные степени директивности: категоричную (жестко-формализованную), консультативно-рекомендательную, гипотетическую (предостерегающую или прогнозирующую). Менее характерны для таких текстов консультативно-рекомендательная и гипотетическая директивность, более – категоричная, хотя категоричность носит скрытый характер: позиции определены отчетливо, но жесткость решений выражается не формами, например, повелительного наклонения, но модальными словами, перформативными глаголами, многократно повторяющимися субъектными номинациями (*государства-члены, мы*) и весьма умеренно используемыми маркерами категоричности и ограничительности.

Результаты проведенного исследования опровергают выдвинутую гипотезу о том, что декларации ШОС должны отражать более сильную директивную направленность и высокую степень категоричности и обязательности исполнения поставленных задач, чем у БРИКС, где превалируют ко-

ординация и партнерство без жестких директивных механизмов. Гипотеза была сформулирована на основе институциональных различий ШОС и БРИКС. Анализ лингвистических данных показал обратное: степень директивности выше в декларациях БРИКС (1303 единицы), ниже в декларативных документах ШОС (624 единицы), что может быть обусловлено разными факторами: в первую очередь – стратегическими задачами организации и объединения, т. е. поступательного развития стран ШОС и оперативных действий относительно трансформации мира, за что выступают страны БРИКС. Этот фактор может объяснить более высокую степень директивности, чаще имплицитно заложенную в документах БРИКС, в сравнении с аналогичными документами ШОС. Изучение директивности, выраженной в текстах деклараций международных институтов, позволит определить скрытые возможности стран-участниц организаций и объединений в продвижении собственных национальных интересов.

Источники

- Декларации БРИКС. – URL: <https://www.nkibrics.ru/pages/summit-docs> (дата обращения: 16.12.2025).
 Декларации СГГ ШОС. – URL: https://rus.sectesco.org/documents/?type%5B%D=sco_doc_type_deklaratsii-i-sovmestnye-kommyunike (дата обращения: 16.12.2025).
 Программа автоматизированной обработки текстов «Voyant tools». – URL: <https://voyant-tools.org/> (дата обращения: 16.12.2025).
 Русская грамматика АН СССР. – URL: <https://rusgram.narod.ru/> (дата обращения: 16.12.2025).
 Русская корпусная грамматика. – URL: <http://rusgram.ru/> (дата обращения: 16.12.2025).
 Словарь синонимов русского языка – онлайн подбор. – URL: <https://sinonim.org/> (дата обращения: 16.12.2025).

Литература

- Ахметгареева, О. Ф. Концептуальные основы конфликта в дипломатическом дискурсе / О. Ф. Ахметгареева, И. А. Кобякова, А. С. Потапенко // Казанская наука. – 2025. – № 5. – С. 339–341. – EDN VADSPV.
 Беляева, Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: Английский язык / Е. И. Беляева. – Воронеж : Издательство ВГУ, 1992. – 168 с.
 Беляков, М. В. Коммуникативно-эмотивные характеристики идиолекта дипломата / М. В. Беляков, О. И. Максименко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2020. – Т. 11, № 2. – С. 368–383. – DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-368-383. – EDN UAGDEN.
 Бен Шушан, А. А. Директивный аспект эмпатийного речевого акта успокоения / А. А. Бен Шушан // Вестник Башкирского университета. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 806–810. – DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2022.3.53. – EDN YOIDWF.
 Викулова, Л. Г. Дипломатическая речевая практика посла страны как мягкая сила в действии / Л. Г. Викулова, Т. И. Булитко // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2025. – Т. 11, № 2. – С. 35–50. – DOI: 10.22250/24107190-2025-11-2-35. – EDN MRCZID.
 Викулова, Л. Г. Институциональный дискурс цифровой дипломатии: новые коммуникативные практики / Л. Г. Викулова, И. В. Макарова, Н. В. Новиков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2016. – Т. 15, № 3. – С. 54–65. – DOI: 10.15688/jvolsu2.2016.3.6. – EDN WYHNKH.
 Воронина, Т. М. Универсальный смысл возможность / невозможность: модификации в лексической семантике и лексикографическое представление / Т. М. Воронина // Вопросы лексикографии. – 2023. – № 30. – С. 24–44. – DOI: 10.17223/22274200/30/2. – EDN KRZRUD.
 Воронцова, Ю. А. Дискурсивно-прагматический аспект правовой коммуникации / Ю. А. Воронцова // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 4 (55). – С. 295–299. – EDN PWJMWX.
 Лузянин, С. Г. Введение. Значение Центральной Азии и ШОС: экспертный дискурс / С. Г. Лузянин // Перспективы развития ШОС с точки зрения национальных интересов России / Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук ; отв. ред.-сост. Ю. В. Морозов. – Москва : Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2016. – С. 6–27. – EDN VZFQBV.

Матакова, М. В. Жанровые особенности текстов выступлений в ООН / М. В. Матакова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 8 (837). – С. 191–203. – EDN QFRNPO.

Нешкес, О. В. ИмPLICITные маркеры персуазивности в дипломатических донесениях испанских посланников в России XVIII века / О. В. Нешкес // Иностранные языки в высшей школе. – 2025. – № 2 (73). – С. 45–50. – DOI: 10.37724/RSU.2025.73.2.005. – EDN XLDWWW.

Никодимова, А. Д. Шантажист как деструктивная коммуникативная личность: особенности коммуникативного поведения / А. Д. Никодимова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 7 (150). – С. 132–136. – EDN YDDAZT.

Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – № 17. – С. 22–130.

Павлова, А. В. Национально-культурные особенности лингвистической вежливости / А. В. Павлова, М. В. Голощапова // Казанская наука. – 2025. – № 9. – С. 512–515. – EDN FVUYGS.

Падучева, Е. В. Модальность / Е. В. Падучева // Проект корпусного описания русской грамматики. – 2016. – URL: <http://rusgram.ru/Модальность> (дата обращения: 16.12.2025).

Рябова, М. Ю. Коммуникативные стратегии эвфемизации и дисфемизации дипломатического дискурса / М. Ю. Рябова, Н. С. Каруковец // Политическая лингвистика. – 2025. – № 2 (110). – С. 197–204. – EDN JSWMHC.

Семенов, А. В. «Общее будущее человечества» в дипломатическом дискурсе Китая / А. В. Семенов, А. В. Цвык // Проблемы Дальнего Востока. – 2019. – № 6. – С. 109–124. – DOI: 10.31857/S013128120007998-8. – EDN LJULEU.

Серль, Д. Р. Классификация иллокутивных актов / Д. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – № 17. – С. 170–194. – EDN THRZAL.

Ткачева, Ю. С. Дипломатический дискурс: скрытые смыслы и акты несогласия / Ю. С. Ткачева // Вестник Калужского университета. Серия 2. Исследования по филологии. – 2025. – № 1 (11). – С. 59–65. – EDN VKKCZQ.

Фитуни, Л. Л. Переустройство миропорядка: БРИКС и Африка в эпоху перемен, или «многоядерность» против «полицентричности» / Л. Л. Фитуни // Ученые записки Института Африки РАН. – 2022. – № 4 (61). – С. 17–27. – DOI: 10.31132/2412-5717-2022-61-4-17-27. – EDN RIXQVU.

Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / отв. ред. Т. В. Булыгина. – Москва : Наука, 1992. – 281 с.

Чжан, С. Стратегия убеждения и тактики ее реализации в дипломатическом дискурсе / С. Чжан // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. – 2025. – № 1 (134). – С. 109–118. – EDN GGUCBO.

Шелехова, Р. С. Директивность в немецком юридическом и экономическом дискурсах / Р. С. Шелехова, О. В. Принципалова, Т. С. Ларина // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 4 (107). – С. 471–474. – DOI: 10.24412/1991-5497-2024-4107-471-474. – EDN PPWUDN.

Шовгенина, Е. А. Директивные речевые акты в аспекте прагматической обусловленности выбора языковых средств означивания времени (на материале английского языка) / Е. А. Шовгенина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2011. – № 1 (13). – С. 154–159. – EDN OFNJVH.

References

Akhmetgareeva, O. F., Kobayakova, I. A., Potapenko, A. S. (2025). Kontseptual'nye osnovy konflikta v diplomaticheskom diskurse = Conceptual foundations of conflict in diplomatic discourse. *Kazan Science*, 5, 339–341. EDN VADSPV.

Austin, J. L. (1986). Slovo kak deystvie = Word as action. *New in Foreign Linguistics*, 17, 22–130.

Belyaeva, E. I. (1992). Grammatika i pragmatika pobuzhdeniya: Angliyskiy yazyk = Grammar and pragmatics of inducement: English language. Voronezh: Voronezh State University Publishing House, 1992. 168 p.

Belyakov, M. V., Maksimenko, O. I. (2020). Kommunikativno-emotivnye kharakteristiki idiolekta diplomata = Communicative-emotive characteristics of a diplomat's idiolect. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 368–383. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-368-383. EDN UAGDEN.

Ben Shushan, A. A. (2022). Direktivnyy aspekt empatiynogo rechevogo akta uspokoeniya = Directive aspect of the empathic speech act of reassurance. *Bulletin of Bashkir University*, 27(3), 806–810. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2022.3.53. EDN YOIDWF.

Bulygina, T. V. (Ed.). (1992). Chelovecheskiy faktor v yazyke. Kommunikatsiya, modal'nost', deyksis = Human factor in language: Communication, modality, deixis. Moscow: Nauka Publishing House, 281 p.

Fituni, L. L. (2022). Pereustroystvo miroporyadka: BRIKS i Afrika v epokhu peremen, ili «mnogoyadernost'» protiv «politsentrichnosti» = Restructuring of the world order: BRICS and Africa in the era of change, or “multicoredness” versus polycentrism. *Scholarly Notes of the Institute for African Studies RAS*, 4(61), 17–27. DOI: 10.31132/2412-5717-2022-61-4-17-27. EDN RIXQVU.

Luzyanin, S. G. (2016). Vvedenie. Znachenie Tsentral'noy Azii i SHOS: ekspertnyy diskurs = The importance of Central Asia and the SCO: Expert discourse. *Prospects for the Development of the SCO in View of Russia's National Interests*, 6–27. Moscow: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. EDN VZFQBV.

Matakova, M. V. (2020). Zhanrovye osobennosti tekstov vystupleniy v OON = Genre features of texts of speeches at the UN. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 8(837), 191–203. EDN QFRNPO.

Neshkes, O. V. (2025). Implitsitnye markery persuazivnosti v diplomaticheskikh doneseniakh ispanskikh poslannikov v Rossii XVIII veka = Implicit markers of persuasiveness in diplomatic reports of Spanish envoys in Russia in the 18th century. *Foreign Languages in Higher Education*, 2(73), 45–50. DOI: 10.37724/RSU.2025.73.2.005. EDN XLDWWW.

Nikodimova, A. D. (2020). Shantazhist kak destruktivnaya kommunikativnaya lichnost': osobennosti kommunikativnogo povedeniya = The blackmailer as a destructive communicative personality: Features of communicative behavior. *Proceedings of Volgograd State Pedagogical University*, 7(150), 132–136. EDN YDDAZT.

Paducheva, E. V. (2016). Modal'nost' = Modality. *Corpus-Based Description of Russian Grammar*. Available at December 16, 2025 from <http://rusgram.ru/Modal'nost'>.

Pavlova, A. V., Goloshchapova, M. V. (2025). Natsional'no-kul'turnye osobennosti lingvisticheskoy vezhlivosti = National and cultural features of linguistic politeness. *Kazan Science*, 9, 512–515. EDN FVUYGS.

Ryabova, M. Yu., Karukovets, N. S. (2025). Kommunikativnye strategii evfemizatsii i disfemizatsii diplomaticheskogo diskursa = Communicative strategies of euphemization and dysphemization in diplomatic discourse. *Political Linguistics*, 2(110), 197–204. EDN JSWMHC.

Searle, J. (1986). Klassifikatsiya illokutivnykh aktov = Classification of illocutionary acts. *New in Foreign Linguistics*, 17, 170–194. EDN THRZAL.

Semenov, A. V., Tsvyk, A. V. (2019). «Obshchee budushchee chelovechestva» v diplomaticheskoy diskurse Kitaya = “Shared future for humankind” in China’s diplomatic discourse. *Far Eastern Affairs*, 6, 109–124. DOI: 10.31857/S013128120007998-8. EDN LJULEU.

Shelekhova, R. S., Printsipalova, O. V., Larina, T. S. (2024). Direktivnost' v nemetskom yuridicheskom i ekonomicheskom diskursakh = Directivity in German legal and economic discourse. *World of Science, Culture and Education*, 4(107), 471–474. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-4107-471-474. EDN PPWUDN.

Shovgenina, E. A. (2011). Direktivnye rechevye akty v aspekte pragmaticheskoy obuslovlennosti vybora yazykovykh sredstv oznachivaniya vremeni (na materiale angliyskogo yazyka) = Directive speech acts and the pragmatic conditioning of temporal marking (English material). *Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 1(13), 154–159. EDN OFNJVH.

Tkacheva, Yu. S. (2025). Diplomatiicheskiy diskurs: skrytye smysly i akty nesoglasii = Diplomatic discourse: Hidden meanings and acts of disagreement. *Bulletin of Kaluga University. Series 2: Philological Studies*, 1(11), 59–65. EDN VKKCZQ.

Vikulova, L. G., Bulitko, T. I. (2025). Diplomatiicheskaya rechevaya praktika posla strany kak myagkaya sila v deystvii = Diplomatic speech practice of an ambassador as soft power in action. *Theoretical and Applied Linguistics*, 11(2), 35–50. DOI: 10.22250/24107190-2025-11-2-35. EDN MRCZID.

Vikulova, L. G., Makarova, I. V., Novikov, N. V. (2016). Institutsional'nyy diskurs tsifrovoy diplomatii: novye kommunikativnye praktiki = Institutional discourse of digital diplomacy: New communicative practices. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 15(3), 54–65. DOI: 10.15688/jvolsu2.2016.3.6. EDN WYHKTH.

Voronina, T. M. (2023). Universal'nyy smysl vozmozhnost' / nevozmozhnost': modifikatsii v leksicheskoy semantike i leksikograficheskoe predstavlenie = The universal meaning “possibility / impossibility”: Modifications in lexical semantics and lexicographic representation. *Russian Journal of Lexicography*, 30, 24–44. DOI: 10.17223/22274200/30/2. EDN KRZRUD.

Vorontsova, Yu. A. (2023). Diskursivno-pragmaticheskii aspekt pravovoy kommunikatsii = Discursive-pragmatic aspects of legal communication. *Cognitive Studies of Language*, 4(55), 295–299. EDN PWJMWX.

Zhang, S. (2025). Strategiya ubezhdeniya i taktiki ee realizatsii v diplomaticheskoy diskurse = Persuasion strategy and its tactics in diplomatic discourse. *Bulletin of Minsk State Linguistic University. Series 1: Philology*, 1(134), 109–118. EDN GGUCBO.

Данные об авторе

Дзюба Елена Вячеславовна – доктор филологических наук, профессор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 195251, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

E-mail: elenacz@mail.ru.

Author's information

Dziuba Elena Vyacheslavovna – Doctor of Philology (Advanced Doctorate), Professor of the Graduate School of International Relations of the Humanitarian Institute, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russia).

Дата поступления: 21.11.2025; дата публикации: 29.12.2025

Date of receipt: 21.11.2025; date of publication: 29.12.2025